

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

д.и.н., Чистов Ю.К.

31 марта 2016

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Головнева Ивана Андреевича «Становление советского этнографического кино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на примере творчества А.А. Литвинова)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Современное игровое кино сильно тяготеет к документальной фиксации событий. Мечты неореалистов, представителей французской «Новой волны» и их последователей вырвать фрагменты самой жизни и показать их на киноэкране сегодня становятся явью. Технические достижения перевели творчество нынешних режиссеров в новую плоскость: документальное и игровое столь тесно соприкасаются, что не всегда их можно разделить. А. Киаростами так грамотно путает зрителя, реконструируя документальное в игровом кино, что аудитория далеко не всегда способна отличить вымысел от истины. А картины У. Зайдля настолько правдоподобны в своей достоверности, что порой становится жутко от такой щепетильности в отображении реалий жизни на экране.

С появлением картин братьев Дарденнов, румынской «Новой волны» и пр. кино становится все более сущностно антропологическим, а многие режиссеры на Западе получают профессиональное образование в области культурной антропологии и только потом берутся за камеру. В музеях по всему миру можно видеть видео-инсталляции, выставки, показы

игрового/неигрового кино, созданные с глубоким пониманием антропологических подходов к изучению человека и культуры вокруг него.

Учитывая динамику развития современного кинематографа – документального и игрового, особенно печально, что визуальная антропология не готова открыться (или поддаться) новым импульсам. В стремлении к обособлению и утверждению своей особенной роли, отсутствию мобильности в пределах своих междисциплинарных возможностей, она находится не в авангарде, а скорее в арьергарде отечественной гуманитарной науки.

Визуальная антропология – дисциплина, сформировавшаяся на стыке гуманитарного знания и экранного искусства, прочно утвердилась на Западе. В России её статус выглядит весьма неопределенно. К тому же, в последнее время создается впечатление, что визуальная антропология постепенно теряет своих адептов, пресытившихся новизной и постепенно уходящих из нее в другие гуманитарные сферы. В этой связи появление диссертационного исследования по визуальной антропологии само по себе является ободряющим событием.

Основные цели и задачи, теоретико-методологические основы исследования, его территориальные и хронологические рамки убедительно обоснованы И.А. Головневой во Введении диссертации «Становление советского этнографического кино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на примере творчества А.А. Литвинова)». Диссертант довольно резко, но справедливо высказывается в адрес непростой и наболевшей ситуации относительно дальнейшего развития визуальной антропологии в России. В этом плане исследование И.А. Головневой представляется не просто актуальным, а остро необходимым.

Обосновывая актуальность исследования, диссертант метко замечает, что «в настоящее время в России этнографическое кино и визуальная антропология по-прежнему находятся в процессе спорадического, неорганизованного развития, что выражается в деятельности отдельных

исследовательских организаций» (с. 6). И что еще более важно «в современной российской науке так и не сформировалось устойчивых практик взаимодействия ученых и кинематографистов, нет системы подготовки специализированных кадров, отсутствуют глубокие теоретические проработки темы этнографического кино. В процессе производства этнографических фильмов часто складывается патовая ситуация – этнографам не достает квалификации в кино, а кинематографистам – в этнографии» (с. 6). В этом, на мой взгляд, и есть одна из основных тупиковых ветвей развития современной визуальной антропологии. Отсутствие мостика между двумя дисциплинами и работающими в этих сферах специалистами приводит к отсутствию взаимопонимания, а, следовательно, конструктивного диалога. Хочется верить, что появление новых диссертационных исследований в области визуальной антропологии, в том числе диссертация И.А. Головнева, способны заставить научное сообщество прислушаться к проблеме.

Однако диссертация И.А. Головнева значима не только этим, но и по ряду других причин. Автор занимается теоретизацией истории и развития этнографического кино в России, помещая его в антропологический контекст и апробируя метод на практике. Диссертант одновременно является автором антропологического исследования и этнографического фильма «Страна Удэхе» (2015). Обе работы проведены на высоком профессиональном уровне, автор органично совместил в единое целое антропологию, киноведение и режиссуру. В этом заключается новизна и своеобразие научного произведения, представленного к защите.

В целом диссертация И.А. Головнева отличается хорошо продуманной структурой и внутренней логикой. Историография, теоретическое обоснование темы исследования и источниковедческий анализ определяют характер содержательной – исследовательской части. В то же время каждая глава исследования представляет собой отдельный законченный текст.

Связующим звеном между частями диссертации выступает личность А.А. Литвинова, советского режиссера этнографического кино. Такой подход вызывает интерес читателя, заставляя следить за перипетиями творческой судьбы выдающегося режиссера документального кино, поэтому, безусловно, является методически оправданным и привносит в диссертацию элемент художественности.

Первая глава диссертации посвящена характеристике национальной политики на экране через становление советского этнографического кино в 1920-х – начале 1930-х гг. (выделены ключевые аспекты: национализация этнографического кино, национализация этнологии и национализация этнокультур). В главе проводится последовательный анализ влияния политики государства на развитие этнокино и роль этнографических фильмов в продвижении идей советской власти. Диссертант приходит к выводам, что, несмотря на давление партийной цензуры в кино и этнографии, исследуемый в диссертации период советской власти является наиболее продуктивным в этнографическом кинематографе СССР, так как в это время были созданы главные шедевры советского этнокино, объединившие в себе этнографические и кинематографические профессиональные характеристики (с. 61-62).

Вторая, третья и четвертая главы исследования посвящены основным этапам литвиновской работы в советском этнографическом кино (приморская, камчатская и чукотская киноэкспедиции). На основе обширного архивного материала воссоздана творческая биография Литвинова и процесс съемок его фильмов. Дано скрупулезное и последовательное хронологическое описание хода подготовки, самих съемок и проката фильмов. Детали биографического характера и внимание к мельчайшим нюансам оживляют повествование, наполняя его красочными подробностями и ценными замечаниями. И.А. Головневу удалось написать, выражаясь языком кинематографа, настоящий «байопик».

В диссертации образ А.А. Литвинова представлен как человека страстного и увлеченного своим делом, по-настоящему болеющего этнографией и экспедициями. Дороги и непознанные территории необъятной Родины – это его стихия. После упразднения производства научных картин (в том числе и фильмов-путешествий) А.А. Литвинов начинает чахнуть, тускнеет его восприятие окружающей действительности, дух авантюриста не позволяет ему развернуться в урбанизированном пространстве, его манит магия периферийной красоты страны. В таких условиях режиссер пробует себя в игровом кино, но оно не удовлетворяет его жаждущую новых знаний натуру. Впоследствии режиссер вернется в неигровое кино. Отметим, что такая приверженность документальному кинематографу вызывает уважение. Мы знаем много примеров тому, как документалисты сознательно или в силу обстоятельств уходят в игровое кино (например, С. Дворцовой). В тексте имеется еще много интересных частных наблюдений, на которых нет возможности остановиться в рамках краткого отзыва.

На мой взгляд, наибольший интерес представляет собой заключительная пятая глава, в которой И.А. Головнев следует оригинальному авторскому подходу. Здесь диссертант подробно разбирает соответствие картины А.А. Литвинова «Лесные люди» (1928) литературному произведению В.К. Арсеньева «Лесные люди – удэгейцы» и описывает работу над своим собственным фильмом по мотивам книги В.К. Арсеньева, стремясь воплотить в жизнь метод Литвинова спустя много десятилетий. С анализом кинематографического материала И.А. Головнев справился на высоком профессиональном уровне. Подчеркнем, что в трактовках особенностей представленных в главе фильмов чувствуется острый взгляд режиссера-практика. Однако необходимо внести принципиальное пожелание, касающееся разбора И.А. Головневым ленты «Лесные люди».

Диссертант редко обращается к техническим аспектам создания фильма. О ключевой сцене охоты на медведя читаем следующие строки: «Отличительными особенностями данной сцены являются многоракурсность

и экспрессивный монтаж, увеличивающие эмоциональную температуру и без того напряженного экранного действия» (с. 135). Или другой пассаж: «эта часть фильма отличается более динамичным ритмом, агитационным стилем подачи материала, свойственным советским киноагиткам конца 1920-х гг., и потому смотрится в монтажной структуре фильма очевидным особняком по отношению к основной этнографической киноистории» (с. 136). Тем не менее о сегментах киноязыка в фильме «Лесные люди» в диссертации в принципе сказано мало. А комментирование таких элементов как монтаж, построение кадра, угол съемки и пр. подняло бы диссертацию на новый уровень киноведческого анализа, и было бы чрезвычайно полезным от практикующего режиссера.

Указанное выше замечание можно отнести и к параграфу, в котором автор рассказывает о создании своего собственного фильма «Страна Удэхе». Диссертант, пожалуй, обращается только к описанию работы со звуком и цветом (с. 149), что, несомненно, ценно, но недостаточно полно отражает творческий процесс в аспекте аналитике проявлений киноязыка. Зато сосредоточившись на осмыслении пропорций полевой этнографии, документального и постановочного кино во время съемок, И.А. Головнев выходит на одну из самых дискуссионных и крайне важных тем «субъективного творчества» и «авторской интерпретации» (с. 150) в визуальной антропологии.

Наряду с безусловными плюсами в диссертационном исследовании И.А. Головнева «Становление советского этнографического кино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на примере творчества А.А. Литвинова)» есть ряд небольших недоработок. Во-первых, внимание автора сосредоточено на этнографическом кино, которое подробно разбирается в хронологической ленте десятилетия в начале XX века. Однако оно несколько вырвано из общего потока документального кинематографа в России и на Западе. В диссертации есть беглое упоминание классиков неигрового кино (например, Д. Вертов), но практически не сказано о том, чем жил документальный

кинематограф за пределами этнокино. Краткая справка подобного характера дала бы читателям более полное представление об уникальности и отличительных особенностях собственно этнографического фильма на фоне прочих направлений кинодокументалистики.

Во-вторых, диссертант подводит обоснованную теоретическую базу под свое исследование, историографические оценки автора становятся инструментом, методологической основой дальнейшей работы и приводят его к обоснованным выводам. Но все же скромное привлечение иностранных источников кажется нелогичным и сужающим перспективу исследования, особенно учитывая то, что сам диссертант указывает в Заключении на активное развитие центров визуальной антропологии на Западе (с. 161-162).

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о фильме «Страна Удэхе». Несомненной удачей и большим достоинством картины является образная система, развернутая через воду и лодки. Эти образы-символы связывают невидимой нитью работу И.А. Головнева не только с лентой А.А. Литвинова, но рождают, например, прекрасную ассоциативную связь с фильмом Л. Алонсо «Мертвые».

Стремление И.А. Головнева пойти по следам учителя вызывает еще одну параллель А.А. Литвинов/И.А. Головнев & Я. Одзу/ В. Вендерс. И пусть В. Вендерс демонстрирует нам совсем другую органику документалистики по сравнению с этнографическим кино, при всем том связь и преемственность поколений знаменуют собой сильнейшие кинематографические пересечения на уровне чувства стиля и интуиции.

Диссертация ценна архивным и иллюстрационным материалом, собранным в Приложении и тесно связанным с текстом. Личное пожелание связано с включением в Приложение при публикации монографии (если таковая планируется) отрывков из бесед-интервью И.А. Головнева с коллегами А.А. Литвинова по творческому цеху (с. 129).

Выказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей высокой оценки научного уровня диссертационного

исследования. Работа написана образным, живым языком, соблюден баланс между точностью научного текста и красотой и современностью изложения мысли. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертационного исследования, требования к публикации основных положений диссертации и их апробация выполнены полностью.

Диссертация Головнева Ивана Андреевича «Становление советского этнографического кино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на примере творчества А.А. Литвинова)» представляет собой самостоятельное, законченное исследование в части требований ВАК предъявляемых к кандидатским диссертациям. Оно соответствует требованиям Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а его автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Отзыв составлен специалистом по научно-организационной работе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН кандидатом исторических наук Н.В. Казуровой.

Отзыв на диссертацию обсужден и единогласно утвержден на заседании отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Протокол № 3 от 31 марта 2016 года.

Заведующий отделом этнографии Сибири
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
кандидат социологических наук, PhD

— В.Н. Давыдов

